ЗАРУБЕЖНЫЙ КЛИЧЪ

РЕДАКТОРЪ А. БУРНАКИНЪ. —) СОФІЯ (— ИЗДАТЕЛЬ М. БОГДАНОВЪ.

РУССКІЕ ВСѢХЪ СТРАНЪ СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Русскіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Вотъ нашъ кличъ, наше знамя.

Вотъ наша обще-эмигрантская задача.

Только національное сплоченіе побѣдитъ большевизмъ.

Надо создать нашъ русскій «бѣлый интернаціоналъ», необходимо международное русское объединеніе.

Но объединеніе — не въ формѣ партійныхъ соглашеній въ кабинетахъ, а подлинная національная спайка въ жизни, въ быту, въ профессіяхъ, на основѣ національной взаимопомощи, самозащиты, солидарности.

Русскій — къ русскому, — по инстинкту и общности интересовъ!

Общее — вернуть Россію и свою русскую волю.

Для этого прежде всего здѣсь, на чужбинѣ, высоко поднять нашу русскую идею, идущую отъ геніальныхъ свѣточей Славянофильства.

— Идею усиленія, сплоченія и возвышенія Русской Націи, какъ носительницы великихъ культурныхъ цѣнностей, не только обогащающихъ сокровищницу Всеславянства, но и обслуживающихъ интересы всего Человѣчества.

И не только «поднять» эту идею, но и дать ей жизненное практическое выраженіе.

Практическій путь русскаго объединенія былъ найденъ еще въ Россіи:

— Національныя русскія общины.

Ихъ неукротимый ростъ на югѣ Россіи, ихъ успѣхъ въ массахъ — ясно доказали ихъ жизненность.

На чужбинѣ, среди обидъ и униженій «изгойства» — онѣ нужны, какъ воздухъ.

Мы — «гонимое племя», и намъ не уцѣпиться другъ-за-друга — значитъ погибнуть.

Стройте, возрождайте Русскія Національныя Общины, спаяйте въ нихъ свои кровные русскіе интересы, — и общины дадутъ вамъ и защиту и выходъ изъ тупиковъ и возможность борьбы за Россію.

Неразрывно-крѣпкимъ кольцомъ русскихъ рукъ они окружатъ изъ всѣхъ странъ большевистскаго спрута, и онъ задохнется въ русскомъ кольцѣ.

Интернаціоналъ будетъ побѣжденъ только націонализмомъ.

Помните это и къ этому стремитесь.

Еще и еще:

— Русскіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Редакція.

Мы не одни. Насъ много, много!
Насъ милліоны здѣсь бойцовъ.
Пускай закрыта намъ дорога,
Пусть доля русская убога, —
Сойдется Русь со всѣхъ концовъ!

Услышатъ кличъ нашъ зарубежный
Всѣ тѣ, кто слушать не усталъ,
Кто вѣритъ въ подвигъ неизбѣжный,
Кто сохранилъ въ борьбѣ мятежной
Высокій русскій идеалъ!

Несись, лети нашъ кличъ могучій,
Повѣдай міру — много насъ,
А русскій духъ, какъ пламень жгучій...
И скоро, скоро изъ-за тучи
Блеснетъ нашъ царственный алмазъ!

Н. Д-въ.

Русская каша.

Несомнѣнно: въ Россіи—анархія. Еще «совѣты и комиссары», но уже бунтъ и погромы. Одинъ за однимъ отгниваютъ щупальцы комиссародержавія. Лысѣетъ—лысѣетъ курчавая голова Совдепіи—зіяютъ плѣши, «своя своихъ не познаша» не въ одномъ разгромленномъ Кронштадтѣ, то же — въ Москвѣ, въ центральныхъ губерніяхъ въ Сибири. А Югъ—кипящій котелъ, гдѣ бушуютъ страсти народнаго гнѣва, гдѣ новые Гонты и Желѣзняки носятся вихремъ разрушенія.

Что осталось у большевиковъ?—Красная армія, юнкера, вохра, инородцы? Но уже шатаются красноармейскіе штыки, и если сегодня Бронштейнъ за щитомъ, то завтра онъ можетъ очутиться подъ щитомъ.

Усиленіе красной арміи—ея «полтора милліона» не доказательны. Наоборотъ: чѣмъ больше—тѣмъ хуже для Бронштейна. Не рухнуло ли самодержавіе подъ тяжестью десятимилліонной арміи?

Инерція большевизма со всѣми его наступленіями—инерція паденія. Въ какую сторону упадетъ „вавилонская башня" третьяго интернаціонала—неизвѣстно. Шатается, раскачивается башня съ Востока на Западъ и съ Сѣвера на Югъ, никакъ не можетъ устоять въ россійской трясинѣ.

Большевизмъ держится центрами и въ центрахъ, у него есть международный гипнозъ, но большевизма нѣтъ, уже нѣтъ, какъ всероссійской воли и управленія.

Большевизмъ—всего на всего—радіотелеграфъ въ пустынѣ.

Милліонъ декретовъ, радіактивный дождь—и все же—ни жизни, ни побѣды. И даже—не порабощенная воля, а только—летаргическій сонъ народа.

И случилось это не вчера, это было и раньше и всегда не съ 25 октября, а съ 27 февраля 1917 года.

Въ Россіи была, есть и еще будетъ только анархія, а большевизмъ—первая скрипка этой анархіи.

И если растаялъ Колчакъ, отхлынулъ Деникинъ, опрокинулся Врангель—это не значитъ, что побѣдила воля большевизма. Кончили одни, начали другіе.

Le roi est mort, vive le roi.

Нѣтъ Колчака, Деникина, Врангеля, но жива идея государственности. И если она въ Галлиполи, то не приспѣлъ ея часъ.

Все стихійно идетъ къ своему концу, совершается и завершится по неумолимому закону исторіи, ведущему на плаху не только королей, но и Робеспьеровъ, подымающему на троны безвѣстныхъ Бонапартовъ, совершающему неслыханныя жестокости изгнаніе цѣлыхъ народностей. (Испанія).

Всѣмъ слабѣющимъ, сомнѣвающимся, отчаявшимся—бодрствуйте, мужайтесь—близка Россія, близка не только сегодня, но и раньше, когда рушились послѣднія упованія и съ полной безнадежностью мы уплывали отъ крымской Помпеи.

Помните, не забывайте: мы въ орбитѣ историческаго процесса, и подойти къ нему съ личнымъ—значитъ проглядѣть.

Ощущенія времени и осуществленіе личной воли признаемъ въ прошлой или будущей эпохѣ спокойствія.

Что важно?—чтобъ была Россія и Россія, какъ государство, какъ міровая воля русскаго народа.

Но вѣдь каждый русскій фактъ и вся совокупность русскихъ фактовъ говоритъ, что міровая наша воля не слабѣетъ и въ анархическомъ распадѣ большевизма, что не забрать насъ ни голыми, ни желѣзными руками, что въ русской трясинѣ вязнетъ каждое поползновеніе, что никому не расхлебать нашей каши.

Ожглась трижды идея государственности,—не потому ли что каша варится, укипаетъ, не остыла.

Въ изгнаніи, въ отриновеніи научимся мудрости, спокойствію, терпѣнію до конца.

Это значитъ: заглушить все личное, надъ всѣмъ поставивъ общерусское, національное, всенародное.

Кому—гнѣвъ, а кому—воля. Гнѣвъ и месть уже дѣлаютъ свое дѣло, почва

взрыхляется, нашъ же грядущій подвигъ—посѣвъ и борона.

Когда тамъ все обезсилѣетъ въ бореніи анархіи, мы должны принести туда не гнѣвъ и месть, а разумъ свѣтлый и волю сильную.

На этомъ, только на этомъ пусть сохраняется Русская Армія, на этомъ пусть утверждается каждый шагъ и всѣ пути русской эмиграціи.

Не продолжать анархію, а положить ей конецъ. Собравъ во-едино всѣ усилія русской воли, снова поставить Россію на рельсы исторіи, да о хорошемъ машинистѣ позаботиться, да надежную охрану къ машинѣ приставить.

Работы, можетъ, на десятки лѣтъ (московская смута), но мысль: государство строится не на дни, а тысячелѣтія, даетъ силу жить, вѣрить, бороться.

Будемъ вѣрить и бороться.

Жива Россія. Близка Россія.

А. Бурнакинъ.

Русская Армія и Славянство.

Сейчасъ можно говорить сколько угодно о будущихъ судьбахъ Россіи—времени для этого еще достаточно.

Но сейчасъ нужно дѣлать безотлагательно все возможное для разрѣшенія вопроса о бѣженцахъ и Русской Арміи —въ этомъ вопросѣ «промедленіе времени смерти подобно».

До сихъ поръ объ устройствѣ бѣженцевъ и Русской Арміи (а это главное) только говорили, и говорили больше всего тѣ, кому это менѣе всего надлежитъ. Это понятно: какъ разъ тѣ, кто сейчасъ проявляетъ всяческое усердіе къ «устройству» арміи, стояли дальше всѣхъ отъ нея, ибо не имѣли съ ней ничего общаго, и теперь стараются ликвидировать ее и уничтожить, такимъ образомъ, всякую опасность, которую могутъ представлять собой съ ихъ точки зрѣнія послѣдніе остатки настоящей Русской національно-патріотической силы.

Это одинаково относится и къ извѣстнымъ русскимъ зарубежнымъ кругамъ, и къ тѣмъ или инымъ иностраннымъ державамъ. И тѣмъ, и другимъ по различнаго рода соображеніямъ сохраненіе Русской Арміи съ ея русскими традиціями не сулитъ ничего особенно отраднаго въ будущемъ.

Но что удивительно: меньше всего претендуетъ на защиту своихъ интересовъ сама Армія, которая возвышаетъ свой голосъ только тогда, когда ей предлагаютъ «стать къ стѣнкѣ»: отправиться въ Совдепскіе застѣнки или Бразильскія болота.

И что совсѣмъ непонятно: въ обсужденіи русскаго вопроса не слышно совершенно голоса славянства.

Я увѣренъ, что каждый честный Славянинъ—общій намъ, Русскимъ, по крови, вѣрѣ и языку—не станетъ отрицать двухъ истинъ: 1) прошлое славянства создано Россіей, ея силой и кровью, 2) будущее славянства цѣликомъ связано съ будущимъ Россіи.

Мнѣ кажется, что признаніе этихъ двухъ простыхъ и очевидныхъ истинъ должно легко привести къ тому, чтобы славянство объединилось и громко заявило всему міру:

— Мы—Славяне, какъ и Русскіе. Мы созданы на Русской крови и костяхъ. Мы связаны съ Россіей вѣрой, языкомъ, происхожденіемъ и исторіей. Намъ принадлежитъ право, на насъ больше, чѣмъ на комъ-либо лежитъ обязанность принять участіе въ рѣшеніи Русскаго вопроса, сказать: „Мы должны возвысить свой голосъ на томъ гнусномъ торжищѣ, которое творится въ отношеніи Россіи, взять на себя обязанность позаботиться о потомкахъ тѣхъ, кто создалъ насъ своими муками и кровью".

И я не сомнѣваюсь, что ближайшее будущее покажетъ намъ, какъ славянство станетъ на этотъ единственно достойный его путь.

Мы были свидѣтелями того, какъ Германія разложила Россію, мы наблюдаемъ, какъ державы Согласія, по миновеніи надобности, не только умыли руки по отношенію къ тѣмъ, кто оставался до конца вѣренъ принятымъ на себя обязательствамъ, но и протянули руку ихъ врагамъ, мы видимъ, что многіе только формально могутъ называться русскими, ибо вся дѣятельность ихъ направлена во вредъ Россіи и Русскимъ.

Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить, что Славяне—и, главнымъ образомъ, Сербія, ставшая, за выбытіемъ Россіи изъ строя, естественной главой славянства — останутся безразличными къ судьбѣ Россіи и своихъ братьевъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что красные россійскіе палачи, разрѣшивъ удачно для себя западно-европейскій вопросъ, обратятъ свое вниманіе на тѣхъ, кто, будучи ихъ ближайшими сосѣдями, не соблазняется ни теоретически, ни практически прелестями большевизма, и вторгнутся въ предѣлы Славянскихъ странъ и Румыніи.

И въ этотъ моментъ, какъ могла бы пригодиться Русская Армія. Поддержанная въ трудную минуту, она грудью, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ на защиту своихъ настоящихъ друзей, выведшихъ ее изъ жалкаго положенія полу-плѣнныхъ, полу-призрѣваемыхъ, и будетъ безконечно благодарна за данную ей возможность вновь сразиться со своимъ непримиримымъ врагомъ.

Если-же произойдетъ чудо и, Богъ дастъ, минуетъ славянство горькая чаща большевизма, Русская Армія, стоя все время на стражѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, вернетъ къ мирному труду десятки тысячъ работниковъ, въ которыхъ такъ нуждаются сейчасъ славянскія державы, послѣ Великой войны вышедшія на великій путь.

Но рѣшать вопросъ нужно скорѣе. Русская Армія гибнетъ. И помочь ей нужно немедленно.

Неужели быть «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»—единственное, что осталось на нашу долю?

А. Арсеньевъ.

Айя-Софія.

Гонимый пасынокъ Россіи,
Съ разбитой жизнью и душой,
Стою во храмѣ я Софіи,
И мнѣ легко, мнѣ хорошо.

Нѣтъ, не напрасно жребій вынутъ,
И чаша выпита до дна,—
Не камень слѣпо въ море кинутъ—
Премудрость Божія видна.

Я здѣсь, и въ этомъ Провидѣнье,
И Божій перстъ изъ тьмы вѣковъ—
Свершатся ваши сновидѣнья,
Леонтьевъ, Тютчевъ, Хомяковъ.

Въ Царьградѣ Русь. Еще гонима,
Еще молчатъ ея уста,
Но ужъ горитъ, горитъ незримо
Сіянье Русскаго Креста.

Господь спасетъ тебя, Россія,
Мужайся, русскій человѣкъ,
Премудрость Божія, Софія,
Пребудь въ душѣ моей вовѣкъ.

А. Бурнакинъ.

Въ Долинѣ Смерти

(Литературныя фотографіи—Россія на отдыхѣ).

1. „Бѣлогвардейцы".

Такъ вотъ они—«золотопогонники», «бѣлоштанники», «люди слѣпыхъ привиллегій», «бѣлогвардейцы»!..

Двадцать первый день стоимъ на рейдѣ Босфора. Небо роняетъ ноябрьскія слезы...

Океанскій пароходъ «Мечта», грозно застывшій среди бѣшено снующихъ моторовъ, превратился въ сѣрый уродливый бугоръ прилипшихъ другъ къ другу людей.

Тѣснота неощутимая раньше!—живой прессъ изъ тѣлъ человѣческихъ...

Нечистоты ползутъ изъ досчатыхъ, наскоро сбитыхъ «уборныхъ».

На палубѣ вытоптаны зловонныя черно-желтыя дорожки, тысячи ногъ ихъ мѣсятъ.

Изрѣдка по нечистотамъ проходятъ женщины, такія забытыя всѣми, такія поблекшія отъ всей этой ужасной обстановки!

Пьемъ морскую воду, которую Чеховъ сравнилъ со славой: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется.

Пища—три глотка каши—дается разъ въ день, и сварена она все на той же горько-соленой водѣ.

Какая ужъ тамъ слава: все каломъ пропахло—и вещи, и пища, и солнце, изрѣдка шалящее по палубѣ, и густой муравейникъ людей.

Хочется крикнуть: какъ это все случилось? На яву-ли? На что смотритъ старый, добрый русскій Богъ?

Будущее такъ же непонятно, какъ вотъ эти чуждые берега Босфора.

Слѣпой улыбкой блестятъ воды Золотого Рога.

А вокругъ гремитъ нелѣпый, сумбурно-шумный городъ, отъ котораго заранѣе вѣетъ черной скукой—Константинополь.

«Бѣлогвардейцы»,—ихъ на «Мечтѣ» много тысячъ—стоятъ плечомъ къ плечу, тихо дрожатъ подъ моросящимъ дождемъ, сдержанно, какъ при покойникѣ, переговариваются.

Лица спокойныя, нераздраженныя. На каждомъ изъ нихъ:

— Такъ этому и быть!

— Перетерпимъ!

— Еще не то будетъ!

— Знали, на что шли!

Неразгаданное что-то во всей семитысячной сѣрой грудѣ понуро-спокойныхъ людей.

Вотъ она, Россія, въ изгнаніи!

Ни ропота. Ни отчаянья. Только особый мракъ въ глазахъ, да лѣнивая зѣвота.

Плюнуть, смѣясь, хочется.

Умереть не страшно, да агонія скушная вещь!

Но вотъ тѣ же—въ Галлиполи, на Лемносѣ,—и ихъ не узнать!

Послѣ томленія и голодовки на загаженныхъ палубахъ «Долина Смерти» кажется «Долиной Розъ», и всѣ увѣряютъ, что она такъ раньше называлась.

А солдатскій паекъ и прѣсная рѣченка Буюкъ-Дере—знаете ли вы, что это за прелесть? Нѣтъ, хорошо жить на свѣтѣ!

Среди галлипольскихъ развалинъ Русская Армія оформилась, получила свой выкристаллизованный обликъ и какъ никогда спаялась чѣмъ то внутренне-связывающимъ.

Если бы враги и критики ея пріѣхали сюда, въ Долину Смерти!

Когда говорятъ и пишутъ, что Армія можетъ быть не «врангелевской», а «красновской», не «кутеповской», а «слащевской»—иные хотѣли бы ее видѣть даже «керенской»,—и когда громадному народному организму, каковымъ являются наши войсковыя силы, стараются навязать ту или иную политическую окраску—въ зависимости отъ «вождя», то въ этой области дѣлаютъ обычную для лицъ, не жившихъ съ арміей, ошибку.

Армія—это Россія въ зеркалѣ.

Нѣльзя винить зеркальную гладь въ томъ, что она отражаетъ порой совсѣмъ негладкія вещи.

Разношерстая и единая, добрая и жестокая, сплоченная и «глядящая врозь», милая, родная, а порою съ трудомъ усваиваемая, проклинаемая, но не могущая быть ни правой, ни лѣвой,— вотъ она, наша Россія, такова и ея Армія.

Вспомните, что всѣ офицеры сдѣлались солдатами—по образу своей жизни и по всему военному укладу, а половина бывшихъ солдатъ нашила офицерскіе погоны, погоны боевой отваги, прибавьте къ этому что одна треть Арміи состоитъ изъ бывшихъ красноармейцевъ и какой выводъ вы сдѣлаете?

Вздоръ говорятъ враги! Но вздоръ не страшный!

Въ Галлиполи особенно это чувствуется.

Здѣсь все закипѣло своеобразной жизнью.

Муравейникъ—по труду.

Пчелиный рой—по бодрости.

Ласточкино гнѣздо—по «очертѣлости»—висимъ на краю скалы и не страшно!

Цвѣтникъ—по умѣнію изящно и красиво устроить лагерную жизнь.

Россія и на чужбинѣ свѣтится самоцвѣтными узорами...

Такъ вотъ они—«бѣлогвардейцы», «бѣлоштанники», «трутни»!—нечистоты не задушили на «Мечтѣ», а мечты о Россіи окрылили гигантской способностью трудится и работать, творить и учиться, терпѣть и закаляться.

Спать хочется?

Зубы отъ холода и голода стучатъ?

Но это гдѣ?—тамъ, въ далекой отъ насъ Россіи и въ ея прототипѣ—мѣстныхъ бѣженскихъ лагеряхъ!

Въ лагеряхъ Русской Арміи лучше и легче—тутъ куется старая мощь для новой жизни.

Спать некогда, голодъ... нипочемъ!

2. Генералъ Врангель.

Смотръ всѣмъ войскамъ.

«Долина Смерти» расцвѣчена пестрыми квадратами солдатъ.

Русская протяжная команда переливается разноголосо.

На паддокѣ, окруженномъ живой зеленью, неуклюже толпятся иностранные гости и группа штатскихъ—журналисты, фотографы, кинематографисты.

Небо хмурится. Начинается дождь. Неужели будетъ испорченъ весь смотръ—сегодняшній праздникъ?

Но вотъ солнце, и въ лучахъ солнца самъ Главкомъ—стройный и строгій.

Похудѣвшій до состоянія скелета, обтянутый въ черное сукно корниловской формы, съ алой шапкой, закинутой надъ высокимъ лбомъ, и глаза, горящіе необыкновеннымъ подъемомъ.

Не ходитъ, а летаетъ.

Коротконогій Кутеповъ никакъ не можетъ поспѣть.

Витковскій катится за нимъ шарикомъ.

Солдаты бѣгутъ, гулко стуча сапогами.

Выраженія и всѣ слова ген. Врангеля такъ-же порывисты, машисты, какъ и походка.

«Деньжатъ» онъ «маненько наскребъ».

«Привезъ бы и обмудированія, да по дорогѣ изъ Европы зажали».

— Какъ живете—скучаете? Полно—всѣ въ Россіи будемъ! Потерпите два мѣсяца, а можетъ и меньше!

Въ рѣчи, обращенной къ войскамъ ген. Врангель былъ спокоенъ и объективенъ, но среди мѣрныхъ словъ струилась та-же машистость, тотъ-же напоръ въ одну точку.

Я смотрѣлъ на него и думалъ:

— У стихійныхъ людей рѣдко бываютъ соотвѣтствующіе имъ помощники, въ этомъ трагедія—такихъ людей, какъ ген. Врангель.

Но больше всего, что поражаетъ, это разлитая въ войскахъ вѣра въ своего вождя, вѣра сильная какъ у дѣтей.

Позже, во время открытія «Русскаго Совѣта» въ Константинополѣ, ген. Врангель выступилъ въ роли предсѣдателя и сказалъ академически-выдержанную рѣчь.

Но его манера протяжно и звонко заканчивать фразы, напоминала кавалерійскую команду.

И, казалось, это не предсѣдатель чиннаго собранія, а лихой кавалеристъ, который смѣлымъ аллюромъ—хопъ-хопъ—обойдетъ съ фланга парижскихъ и пражскихъ противниковъ, раскрошивъ въ капусту всѣ эти «У. С.» и «Б. У.

С.», которыхъ никакъ не можетъ сразить янычаръ Бурцевъ, держащій вмѣсто пики перо и ищущій соглашеній съ парижскими пенатами вмѣсто конной атаки на нихъ.

3. Ген. Кутеповъ.

Маленькая комната съ дырявымъ поломъ—пріемная.

Такой же, со сквозящими стѣнами и поломъ, сквозь который видна нижняя часть квартиры, домикъ, гдѣ ютится штабъ.

Идетъ напряженная работа.

Все время трещитъ аппаратъ.

Минутами кажется, что вы въ Россіи, и вотъ-вотъ аппаратъ принесетъ извѣстіе о взятіи столькихъ-то тысячъ плѣнныхъ.

«Галлиполи — Галлиполи — Галлиполи»—стучитъ аппаратъ.

Но вотъ и самъ Кутеповъ.

Поблѣднѣлъ, похудѣлъ, но взоръ такъ-же иронически-спокоенъ, какимъ онъ былъ въ Курскѣ и въ Мелитополѣ.

На мой вопросъ: можно ли побесѣдовать съ войсками и какихъ темъ разрѣшается здѣсь касаться, ген. Кутеповъ улыбнулся и твердо сказалъ:

— Говорите о чемъ хотите, здѣсь власть—военная, а мы менѣе строги къ штатскимъ, чѣмъ штатскіе къ намъ!..

Я съ удовлетвореніемъ проглотилъ этотъ комплиментъ.

По дорогѣ къ квартирѣ онъ раза три арестовывалъ.

Отчеканивалъ спокойно:

— Разгильдяйства не люблю!

— Вы лодарь—грязь у себя развели!

— На г у б ѣ, видно, вамъ больше нравится!?

«Губа» — это полуразвалившаяся башня, замѣняющая гауптвахту.

Я вспомнилъ, что за все время войны ген. Кутеповъ ни разу не воспользовался отпускомъ, и подумалъ:

— Если онъ требователенъ къ другимъ, то зато и самъ п р е д ѣ л ь н о исполнителенъ.

— Пишутъ, что вы каторгу здѣсь устроили!—спросилъ я.

— Сюда бы пріѣхали эти писатели, тогда такого вздора не распространяли!

Хитро блеснувъ глазами, генералъ добавилъ:

— И чего боятся? Я вѣдь самъ эсъ-эръ! Каторга! Каторга! Насильно здѣсь никого не держатъ, не хочешь оставаться въ Русской Арміи—уходи! А вотъ самъ я себя дѣйствительно на каторжную цѣпь приковалъ,—и Кутеповъ показалъ рукой на учебную роту, разсыпавшуюся въ цѣпь.

Говоритъ генералъ, какъ и работаетъ, быстро, отрывисто, упорно. Иронически блестятъ влажные каріе глаза.

Все время рѣшаешь вопросъ, глядя на него: какъ будто Кутеповъ и зауряденъ,—въ роли хорошаго, старыхъ временъ, ротнаго командира Деревянкина,—или онъ по особому мудръ, не теперешній, не здѣшній, таящій въ своей душѣ старую русскую волю принужденія и приказанія:

— Ась-два, и—исполнено! Молчать! Слушать! И... шевелить мозгами!

Чувствуется въ Кутеповѣ то, что внѣ разума и мудрости: умѣнье въ сжатомъ кулакѣ держать тридцать тысячъ людей, почти такихъ же беззащитныхъ, какъ и онъ самъ.

А на цѣпи-то онъ, дѣйствительно, сидитъ добровольно. Цѣпь крѣпкая. Но генералъ еще крѣпче.

4. Мальчикъ-поэтъ.

Шоссе напоминаетъ Крымъ.

Но вокругъ—пустынно, а далекія лѣсистыя горы не по крымски суровы, могильны.

Автомобиль быстро домчалъ къ лагерю. Смеркалось. Въ «Долинѣ Смерти», гдѣ, какъ пружина, сжалась русская жизнь, ползли разноцвѣтно-мутные туманы и завывали шакалы.

Вотъ несется и прыгаетъ въ рыхломъ воздухѣ адскій плачъ, всхлипывающій визгъ—и порой чудится:

— Ужъ не изъ Россіи ли могучій вѣтеръ донесъ этотъ истерическій вопль?!

Я вошелъ въ полутемную палатку командира Корниловскаго полка.

Рядомъ съ генераломъ *** стоялъ мальчикъ, лѣтъ 8-ми, по-военному выкативъ грудь.

Въ палаткѣ была живописная перегородка изъ какой-то диковинной травы. Доносилось сдержанное пѣніе.

— Плевицкая,—похвалился генералъ,—предпочла Парижу нашу каторгу.

— Однако, для каторги у васъ довольно живописно!—замѣтилъ я.

— Это что, вотъ днемъ пойдите по лагерю, тогда увидите, какъ мы здѣсь развлекаемся! А пока могу васъ угостить чашкой кофе и... поэзіей!—Ваня, покажи-ка искусство!

Мальчикъ-крошка, все такъ-же выкатывая грудь и блестя круглыми глазенками, подошелъ ко мнѣ и бойко отчеканилъ:

Добровольцъ Ваня—
Стихами солдатъ развлекаю.
По Россіи хоть тужу,
Но вамъ правду разскажу...

Не помню дальше словъ. Но знаю, что голосокъ-колокольчикъ пѣлъ, звенѣлъ о родномъ, хорошемъ и что это была настоящая безхитростная поэзія.

Мальчикъ что-то сказалъ о царѣ и царицѣ и о красной лисицѣ, и всѣ слушавшіе разсмѣялись и стали цѣловать его.

Я тоже поцѣловалъ мальчика и подумалъ о томъ, какъ сложна исторія нашихъ дней и какъ силенъ ураганъ событій, если онъ забросилъ такой полевой цвѣтокъ въ эту Долину Смерти...

Ваня—сирота.

Его подобрали въ Курской губерніи, гдѣ большевики при отступленіи разстрѣляли Ванину маму и Ванинаго папу.

Конечно, простые крестьяне, но, очевидно, способные и выдѣлявшіеся изъ обычной массы, оказались контръреволюціонерами...

— Моя мать—Россія, а отецъ—корниловскій полкъ,—говоритъ сиротка, маша дырявымъ рукавомъ.

5. Трошка-гармонистъ.

Утромъ я пошелъ по лагерямъ.

Всюду улыбки, разспросы, желаніе не ударить въ грязь лицомъ передъ вновь прибывшимъ.

Шакалій вой замолкъ.

Солнце играетъ на дорожкахъ, вензеляхъ и орлахъ, раскинувшихъ свои ракушачьи и каменныя крылья среди импровизированныхъ клумбъ для будущихъ цвѣтниковъ.

Солнечные часы раскрыли свою красную драконью пасть, а пика Георгія Побѣдоносца чертитъ тѣнью таинственное время, умчавшее насъ отъ родныхъ береговъ.

Кто-то наталкивается на меня и говоритъ:

— А видали-ль вы Трошку-гармониста? Его тутъ всѣ знаютъ. Знаменитый музыкантъ и воинъ.

Да вотъ, кстати, и онъ самъ.

Я взглянулъ на подошедшаго офицера съ открытымъ солдатскимъ лицомъ.

Оказывается, дѣйствительно, Трошка-гармонистъ—изъ солдатъ.

Произведенъ въ офицеры за боевыя заслуги.

Сохранилъ за собой солдатское прозвище.

Спокойно и по достоинству гордится этимъ.

Командуетъ ротой. Съ солдатами за-панибрата. Вмѣстѣ поютъ, танцуютъ, балагурятъ. Но дисциплину поддерживаетъ строгую, «махновскую», какъ шутятъ солдаты.

Гармоніей владѣетъ мастерски.

Придаетъ ей особое значеніе.

— Сколько разъ въ бояхъ вывозила,—сказалъ мнѣ Трошка-гармонистъ, любовно гладя клавиши инструмента,—какъ начнутъ наши ослабѣвать, я сейчасъ на лошадь и впередъ съ пѣсней разудалой! Красные глазамъ не вѣрятъ —скачу прямо въ упоръ,—а наши поободрились и, смотри,—какъ двинутъ впередъ—держись только!

— Вѣрно!—одобрительно смѣются солдаты.

Я сѣлъ на пригоркѣ.

А Трошка, собравъ лучшихъ танцоровъ изъ своей роты, пустилъ въ ходъ чудесную гармонику.

Вихремъ кружились солдаты. Одни шли въ присядку, другіе отбивали ногами дробь, отъ которой гудѣла земля.

Не выдержалъ Трошка и самъ пустился въ плясъ, передавши гармонику сосѣду.

Въ танцахъ онъ «всѣ рекорды побилъ».

А потомъ, подошедши ко мнѣ и откидывая прядь волосъ, прилипшихъ ко лбу, грустно сказалъ:

— Эхъ, скорѣе бы въ Россію вернуться, тамъ мы не такъ еще откололи бы трепака!

— Да, это вѣрно!—засмѣялись солдаты.

— Что за дружная семья!—подумалъ я, жалѣя, что не умѣю танцовать и, кромѣ чижика, ничего на гармоникѣ не сыграю...

6. Архимандритъ Антоній.

«Контръ-революцію» всегда долженъ завершать попъ.

Въ совѣтскихъ изданіяхъ онъ рисуется обыкновенно брюхатымъ, пьянымъ, съ набитыми золотомъ карманами.

Думаю, что даже Демьянъ Бѣдный прекратилъ бы свое рычанье, если бы судьба его столкнула съ архимандритомъ Антоніемъ.

Не буду говорить объ особой благости его дѣтскаго, женоподобнаго лица, о глазахъ, гдѣ специфически «поповское» и не ночевало, но когда этотъ сдѣланный точно изъ папируса молодой человѣкъ говоритъ пропозѣдь и грозитъ своимъ костлявымъ кулакомъ, чувствуется такая убѣжденность, которая покоряетъ всѣхъ вѣрующихъ и невѣрующихъ.

Десять церквей въ лагеряхъ Галлиполи выросли, какъ изъ-подъ земли и выросли они на дрожжахъ этой убѣжденности архимандрита Антонія.

Изъ простынь дѣлались иконы, хоругви, облаченья.

Банки изъ-подъ «корнбиф'»а, вѣроятно, никакъ не ожидали очутиться въ алтарѣ въ видѣ чаши для Святыхъ Даровъ.

Какъ можно создать десять церквей безъ денегъ, безъ копѣйки денегъ?

Чтобы разгадать эту загадку, нужно увидѣть грозящій кому-то кулакъ женоподобнаго Антонія.

Солдаты его считаютъ святымъ.

7. Въ Гридницѣ.

Послѣ вечерни, гдѣ всѣ ревностно молились и валомъ валили къ алтарю, сдѣланному изъ лавровъ, елочекъ и желтаго упругаго камыша, я пошелъ къ штабу дивизіи. Меня пригласили на чашку чая.

Убранство громадной палатки, въ которой все было покрыто бѣлыми полотнищами, пестро расцвѣченными живой зеленью,—почти ошеломило!

Пѣлъ хоръ, стоящій на возвышеніи. Въ центрѣ, за длиннымъ столомъ, сидѣлъ генералъ Витковскій, маленькій, сдержанный, съ высѣченнымъ точно изъ бѣлаго мрамора лицомъ, но учтивый и простой въ обращеніи. Рядомъ съ нимъ были тѣ молодые генералы, которые столько разъ заставляли трепетать красныхъ. И безрукій Манштейнъ, разящій уцѣлѣвшей правой рукой цѣлыя ватаги враговъ и буйновластный Туркулъ, у котораго такое спокойное и мягкое лицо, когда вы смотрите ему прямо въ глаза, и многіе простые и терпѣливо-выносливые воины, спорившіе со смертью тысячи разъ.

За палаткой ревѣлъ вѣтеръ. Стѣны колыхались. Живая зелень точно о чемъ то перешептывалась. А хоръ пѣлъ наши чудныя русскія пѣсни.

Казалось, это не палатка, раскинувшая свои крылья среди «Долины Смерти»; казалось, это не горный вѣтеръ бушуетъ за оконцами изъ слюды,—это— гридница св. Владимира съ былинными богатырями по синимъ волнамъ возвращается въ Россію изъ древней Византіи, отъ которой мы приняли новую вѣру.

И вѣра въ Россію и въ Русскую Армію, которая должна вернуться на Родину, вновь окрылила меня...

Чьи-то руки сунули мнѣ какую-то книжку.

— Ваши разсказы?..

Смотрю на улыбающееся загорѣлое лицо.

Читаю:

— Такъ было...

Сборникъ моихъ разсказовъ, вышедшій въ разгаръ буйствованія большевизма на югѣ Россіи.

— Такъ было? -благодарно сказалъ я незнакомцу,—но такъ не будетъ, вѣрю въ васъ и въ Россію.

Отъ книжки моей остались одни лохмотья.

И. Корвацкій.

Константинополь,
1/14-е апрѣля 1921 г.

ДУША МОЯ СКОРБИТЪ...

Брожу по улицамъ безцѣльно.
Чужая рѣчь, чужая даль.
Душа моя скорбитъ смертельно,
И какъ дурманъ—моя печаль.

И нѣтъ покоя, нѣтъ забвенья,
И каждый голосъ, каждый взглядъ
И даже вѣтра дуновенье,
Какъ ножъ отточенный, какъ ядъ.

Я зналъ, я чуялъ эту муку,
Какъ обреченный, я скорбѣлъ.
Не разлучаясь, пѣлъ разлуку
И Агасферовъ свой удѣлъ.

И вдругъ—упало роковое.
Тотъ день былъ страшенъ и нелѣпъ.
Обманутъ моря синевою,
Вдругъ самъ порвалъ я счастья цѣпь.

Мое-ль безумье, рокъ ли темный
Швырнулъ вдругъ гнѣвною рукой—
Не знаю—сирый и бездомный
Иду съ безвѣстною тоской.

Какъ тѣнь—за мной воспоминанье.
А съ нимъ—мучительная боль.
Отраду пьянаго признанья
Дай мой спаситель—алкоголь.

Дай слезъ, чтобъ горько, горько
плакать.
Чтобъ жгла кипучая мечта,
Чтобъ слезы падали бы въ слякоть
Среди Галатскаго моста.

А. Бурнакинъ.

23 II.
Галлиполи,
пароходъ „Румянцевъ".

Константинопольскіе Силуэты.

Комендантъ.

Никакой крѣпости, однако:
— Комендантъ.

Тысячи людей во вшахъ и лохмотьяхъ, а что твоя крѣпость и чуть не воинскій уставъ.

Приказы, приказы, приказы.

И все: запрещается, не разрѣшается, не допускается. Не пропускается.

Тюрьма?—нѣтъ—общежитіе.

Клоповникъ, гдѣ тощіе клопы подъ началомъ жирнаго клопа.

Все наиболѣе паразитическое плотно усѣлось на худую шею бѣженца и сосетъ-сосетъ.

За счетъ его пайка, его «обмундированія», его піастровъ.

Ежели ты бѣженецъ—не шкни, получай полъ-одѣяла, рукава до локтей, въ карты не играй, водки не пей, а только щелкай голодными зубами передъ комендантской дверью, гдѣ и банчокъ, и коньячокъ, и женщинка, и тюкъ американскаго тряпья для продажи на базарѣ.

О, бѣлая Совдепія, — гдѣ намъ скрыться отъ твоихъ рѣшотокъ?

КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ.

Трудная вещь ликвидировать между Сциллой и Харибдой!

Прочтешь лекцію о злѣ эмиграціи —голубые разсердятся, разскажешь бѣженцамъ о террорѣ въ Совдепіи—коричневые не похвалятъ, прикинешься, интернаціоналистомъ—изъ Парижа нахлобучка, станешь пѣть интернаціоналъ —Врангель Алексинскаго напуститъ.

Этакъ въ потъ и ударяетъ!

Вертишься, какъ бѣлка въ колесѣ, и, того смотри—въ Цокѣ за бездѣятельность разложатъ и высѣкутъ: просвѣщай, скажутъ, по-кадетски, культурой услаждай по національному центру, отписывайся по-Хрипуновски, дружи съ

Врангелемъ по-княжески, потрафляй голубымъ, обходи коричневыхъ, стриги американцевъ!

А дѣлами то этими кому заниматься?

Кабы канцелярія человѣкъ во сто была, а то всего пять культуртрегеровъ: дьячокъ Клиросовъ, бывшій полковникъ Тарарабумбія, русскій писатель Иванъ Ловкачъ и двѣ дамы—одна просто пріятная, другая—пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

Сегодня—нужно придушить журналистовъ—вишь, какъ разговорились въ палаткахъ—слишкомъ ужъ бѣженцамъ начинаютъ нравится, какъ бы чего не вышло!

Завтра лектора о бразильскомъ раѣ вымочить въ копировальныхъ чернилахъ придется, чтобы самъ изъ Константинополя дальше Бразиліи забѣжалъ!

На смѣну имъ нужно злободневные лекціи прочесть: о вліяніи египетскаго орнамента на древне-романскій шрифтъ, о вредѣ обжорства при Неронѣ, о подземныхъ садахъ Семирамиды,—словомъ о томъ, что такъ наболѣло, такъ насущно и неотложно.

Трудно жить въ Конс-лѣ!

Жалованье грошовое—каждому изъ культуртрегеровъ по раціону, который тратится не болѣе, чѣмъ тридцатью наиболѣе аскетическими бѣженцами, а работать нужно по-азіатски—3 часа въ день, всю ночь—(на секретныхъ засѣданіяхъ), и—увы—даже по праздникамъ!

И никто этой адской работы не похвалитъ!

Ни строчки не напишутъ!

Потерпимъ—можетъ хоть Кудишъ обратитъ вниманіе.

„ПРАВИЛО ВЫШЕ ВСЕГО".

Большой дряхлый деревянный домъ—изъ дранокъ. Чуть не шатается отъ вѣтра. Щели. Сквозняки.

Ночь. Въ многочисленныхъ комнатахъ—на грязномъ полу—въ повалку—скорчившись подъ коричневыми лохмотьями спятъ бѣженцы. Спятъ ли? Шевелятся лохмотья. Вотъ вскочилъ одинъ—сбросилъ полуистлѣвшую рубаху и при тускломъ ночникѣ углубился въ поиски насѣкомыхъ.

Тяжело спятъ несчастные. Слышатся стоны, скрипъ зубовъ.

Свѣтаетъ. И по всѣмъ этажамъ начинается оглушительное треньканіе звонка. Съ головой укутываются спящіе—не спастись—чья-то рука просовывается въ дверь, и звонокъ оглушаетъ надъ самымъ ухомъ.

Не проходитъ и четверти часа—снова звонокъ. потомъ еще и еще.

Нехотя выползаютъ изъ-подъ лохмотьевъ фигуры бывшихъ людей. Начинается общее сосредоточенное щелканье вшей.

Но тюремный звонокъ не дремлетъ.

— Вставайте, уходите!—покрикиваютъ сторожа, и ночлежники торопливо складываютъ свои грязные пожитки.

У умывальника очередь. Вода не течетъ. Грязь. Клоака. Вонь уборной. Рекордъ антигигіеничности.

И, какъ нарочно—завѣдующій—докторъ.

Ночлежники въ насмѣшку зовутъ его:

— Докторъ Гаазъ.

А самую ночлежку окрестили:

— Чрезвычайка.

«Докторъ Гаазъ» отъ всѣхъ болѣзней лѣчитъ... вазелиномъ.

Упаси Боже кому явиться въ «чрезвычайку» позднѣе 12 ночи—останется на улицѣ. Никакія мольбы и резоны не разжалобятъ «доктора Гааза».

На все одинъ отвѣтъ:

— У меня правило—выше всего.

И бродятъ по турецкимъ улицамъ безпріютныя русскія тѣни, пока сердобольный турокъ-полисъ не пріютитъ до утра въ участкѣ.

Правило выше всего.

Товарищъ Тамара.

Въ Москвѣ, когда она на купеческія деньги субсидировала забастовки, ее величали почтительно-иронически:

— Товарищъ Тамара.

И хотя товарищъ «сѣяла вѣтеръ» не безъ пользы для себя, но пожинать бурю ей пришлось по обще-буржуйски, до угрозы превращенія въ «бывшаго человѣка» включительно.

Впрочемъ, кто умѣетъ сѣять, тотъ умѣетъ и жать.

Вотъ и буря, и изгнаніе, а «превосхотельная благотворительница» и тутъ сіяетъ и жирными ланитами и барскими замашками и всей гордыней «старой гвардіи», которая сдается, но не умираетъ.

О, титулъ при всѣхъ обстоятельствахъ,—титулъ, а наглость вообще никогда не пасуетъ,—ну, и обезпечено положеніе.

Покрикивай, командуй, груби,—не взыщется, въ порядкѣ, само все подъ ярмо просится. Не помогутъ подлинные гусары,—почтительно поцѣлуютъ пухлыя барскія ручки галантные земгусары, предъ сіятельнымъ афронтомъ сами сдадутся въ плѣнъ ошарашенные американцы, товарищъ Тамара—старый воинъ, закаленъ въ бою!

Да и что за русскій полкъ, ежели онъ не правится матерью-командиршей.

Когда тысячи протянутыхъ нищихъ рукъ—что тутъ труднаго—сами въ очередь строются и хамятъ въ усладу хамства.

«Она бьетъ ихъ, за чупрынъ таскаетъ».

Ну, ежели не бьетъ, то покрикиваетъ и унижаетъ, сколько заблагоразсудится.

Измывается ея превосхотельство.

— У Васъ очереди большія,—замѣтятъ ей робко.

— Пусть стоятъ. Эти хамы лучшаго не заслужили.

— Далеченько ночлежка ваша и гигіена того...

— Это за грошъ и далеко. Не велики господа—пройдутся.

Не великіе господа, хамы, въ ея глазахъ все рядовое, не родовитое.

Зато Жоржикамъ, гвардейцамъ, шерочкамъ и машерочкамъ—вся материнская теплота и субсидіи, и бутерброды и пьедатерчики.

Не правда ли, словно и не было революціи.

И словно для того страдалъ русскій простакъ-воинъ, борясь за Россію, чтобы, потерявъ все здѣсь, на чужбинѣ, разувѣриться въ своей правотѣ изъ-за милости Ея Превосходительства Хамки.

ТОМБОЛИСТКА.

Какъ грибы послѣ дождя—томболы по Стамбулу.

Карточницы— русскія дамы.

По-турецки подведенные глаза, неестественно-яркія губы, «мѣщанскій шикъ и убогая роскошь», разнузданность и вызовъ въ движеніяхъ въ разговорѣ, въ походкѣ, «Грушенька» изъ братьевъ Карамазовыхъ съ помѣсью цинизма и алчности гетеры изъ Галаты.

Гдѣ нѣтъ стыдливости—тамъ нѣтъ и церемоній.

Вертлявой развратной походкой подходитъ томболистка къ посѣтителю—турку. Предлагаетъ карту и почти прикасается къ нему.

Турокъ беззастѣнчиво обнимаетъ ее.

Она отскакиваетъ, садится за пустой столикъ, закрываетъ лицо руками и притворно-плачущимъ голосомъ обиженнаго капризнаго бебе заявляетъ:

— Онъ меня обидѣлъ. Онъ меня обидѣлъ.

Никто ни малѣйшаго вниманія.

Тогда она снова подскакиваетъ къ «обидчику» и, какъ ни въ чемъ не бывало, кокетливо играя и глазами и всѣми движеніями:

— Гадкій, не хорошій! Купите мнѣ двѣ карты.

Турокъ цокаетъ отрицательно.

— Ну, купите шоколаду...

Кто-то окликаетъ томболистку:

— Мадемуазель.

«Мадемуазель» съ гордостью и обидой отвѣчаетъ:

— Я не мадемуазель. Я—дама. Я—жена офицера.

Глухая ночь. Томболистка возвращается въ женское общежитіе.

А черезъ часъ подкатываетъ автомобиль. Кто-то выходитъ, кто-то уѣзжаетъ.

Что? жить трудно? Не осуждаю. Но грустно, грустно.

— Гдѣ твоя нѣжная стыдливость, русская женщина?

Це-Це.

Русская Армія на чужбинѣ.

Въ Галлиполи ужасъ и мракъ, въ Галлиполи—каторжныя работы! — это укоренившееся въ Константинополѣ мнѣніе тоской сжимало мнѣ сердце, когда я ступилъ на палубу парохода «Самара», чтобы ѣхать туда, гдѣ живетъ Русская Армія. Еще такъ недавно Великая Русская Армія, развѣянная революціей безъ остатка, послѣ воцаренія большевиковъ нѣсколько разъ возрождавшаяся и при ген. Врангелѣ несшая русскому народу освобожденіе отъ большевиковъ и золотую грамоту на землю, — теперь эта Армія пріютилась гдѣ то «въ лощинѣ, межъ горъ», слушая вой спускающихся по ночамъ въ долину шакаловъ галлипольскихъ и еще болѣе дикихъ, комфортабельно расположившихся въ отеляхъ Праги и Парижа.

Ночь пути, и я въ Галлиполи. Маленькій, полуразрушенный во время войны бомбардировкой городокъ, безцвѣтный и примитивный, какъ и всѣ другіе городки въ окрестностяхъ Константинополя. На берегу сотни людей въ сѣрыхъ шинеляхъ, что то тащутъ, выгружаютъ съ баржъ, нагружаютъ на вагонетки... Это—русскіе: они работаютъ, залечивая войной нанесенныя городу раны, проводя узенькую желѣзнодорожную полоску въ лагери, снабжая продовольствіемъ своихъ братьевъ...

Мелькаютъ кэпи французскихъ офицеровъ и, улыбаясь во весь ротъ, неподвижными, но горящими взорами смотрятъ черномазые синегальцы — «Сережи», какъ тутъ ихъ называютъ всѣ русскіе и что у нихъ самихъ вызываетъ широкія и глупыя улыбки.

Когда я сошелъ съ лодки на берегъ, меня поразила стройность работы и согласованность движеній работавшихъ. Лица—русскія, на привѣтствіе: „здравствуйте русскіе братья“, отвѣчаютъ радушно - радостно: «здравствуйте», а работаютъ совсѣмъ не такъ, какъ у себя на родинѣ. Въ городѣ сразу чувствуются порядокъ и дисциплина. Узенькія улички у пристани переполнены русскими, не видно блюстителей порядка, а порядокъ, тѣмъ не менѣе, образцовѣйшій. Всѣ сдержанно строги и корректны, какъ гости въ воспитанной семьѣ. Послѣ крика, гама, хаоса, безтолочи и разноязычной брани константинопольскихъ улицъ это поражаетъ.

— - -

Я пріѣхалъ въ Галлиполи въ качествѣ участника «Устной Газеты». Русскіе журналисты, не могущіе получить разрѣшенія на изданіе въ Константинополѣ газеты, истомились въ молчаніи, и группа въ пять человѣкъ рѣшила прибѣгнуть къ живому воплощенію газеты, намѣтивъ прежде всего освѣдомленіе о всемъ, происходящемъ на бѣломъ свѣтѣ, своихъ русскихъ братьевъ, имѣвшихъ мужество и благородство сперва съ оружіемъ въ рукахъ, освобождать Родную Землю отъ рабства, а потомъ, когда не хватило силы, уйти за море, жить въ какихъ угодно условіяхъ на чужбинѣ, но не подчиниться власти международныхъ бандитовъ, полонившихъ русскій народъ.

Въ исключительно тяжелыя условія попала Русская Армія въ первыя недѣли своего пребыванія въ Галлиполи. Не доѣдая, даже голодая, не досыпая, въ ноябрьскую холодную сырость живя подъ открытымъ небомъ,— какъ она, многострадальная, не вымерла, не разсыпалась по окрестностямъ, а, наоборотъ, превратилась въ то великое, дружное цѣлое, какимъ она въ настоящее время является!

Въ дни моего пребыванія въ Галлиполи, туда пріѣзжалъ Главнокомандующій ген. Врангель и тогда же производилъ смотръ. Я видѣлъ много смотровъ на своемъ вѣку: и на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ и на Театральной площади въ Москвѣ, но я не могъ притти въ себя отъ изумленія. Что это: чудо или то, что въ силахъ человѣка, плоды его труда?

Передъ Главнокомандующимъ и французскими генералами широкимъ потокомъ, съ знаменами, оркестрами музыки и ружьями проходили полки за полками, въ стройномъ порядкѣ, дружно отвѣчая на привѣтствія своего вождя, къ которому въ Галлиполи нѣтъ другого отношенія, кромѣ какъ сердечнаго. Ген. Врангеля тамъ цѣнятъ и уважаютъ, въ него вѣрятъ всѣ, начиная отъ легендарно-храбрыхъ генераловъ, одно имя которыхъ заставляло трепетать всю красную армію, и, кончая тѣми братьями по крови и оружію,—офицерами и солдатами,—которые и работаютъ, и ѣдятъ, и спятъ плечомъ къ плечу.

А какое поистинѣ могучее «ура» раздавалось по долинѣ, когда Главнокомандующій обходилъ полки алексѣевцевъ, дроздовцевъ, корниловцевъ, марковцевъ, артиллеристовъ, конныя части.

Славная русская конница! На парадѣ она была въ пѣшемъ строю, въ лагеряхъ нѣтъ ни одной лошади—больно и обидно было смотрѣть. Но развѣ она исчезла, разъ живы вотъ эти кавалеристы, прошедшіе передъ нами? Дайте имъ лихихъ коней, и снова сна покроетъ себя славой!

Парадъ, хотя онъ и экзаменъ, является показной стороной. Хотѣлось увидѣть бытъ Русской Арміи въ Галлиполи, ея работу, ея будни, осязать ея сокровеннѣйшую сущность и понять, что именно десятки тысячъ русскихъ эмигрантовъ, три недѣли томившихся въ пароходныхъ трюмахъ послѣ оставленія Крыма,—вновь превратило въ Русскую Армію, крѣпкую и сплоченную? Поэтому я, отказавшись отъ любезнаго предложенія командира корниловскаго полка ген. Скоблина расположиться въ его палаткѣ, отправился спать въ ту, гдѣ бокъ о бокъ коротаютъ ночи офицеры вмѣстѣ съ солдатами. Намѣтивъ такую, я пришелъ въ нее лишь подъ самое утро: пришлось ходить изъ палатки въ палатку и отвѣчать на множество сыпавшихся на меня вопросовъ до изнеможенія, но я благодарилъ судьбу, такъ какъ увидѣлъ всю красоту и величіе русскаго духа, котораго не можетъ сломить ничто.

Въ «Долинѣ Смерти», такъ назвали въ Великую войну французы мѣстность, гдѣ стоитъ сейчасъ Русская Армія, я увидѣлъ пышные ростки новой, прекрасной жизни.

Лагери находятся отъ города въ восьми верстахъ, и все продовольствіе, каждый кирпичикъ, находящійся сейчасъ въ лагеряхъ,—все это принесено на себѣ нашими русскими братьями изъ Галлиполи.

И тѣмъ не менѣе, когда я прожилъ въ лагеряхъ нѣсколько дней, я увидѣлъ, что это не лѣтняя стоянка войскъ, а городъ, предназначенный для жизни и въ теченіе зимы.

Здѣсь все своеобразно, все оригинально и все говоритъ о великомъ творчествѣ русскаго народа. Современные Робинзоны, очутившись на пустомъ и голомъ берегу, лишь только получили отъ французовъ палатки, принялись за устройство «домовъ» и приведеніе ихъ въ «комфортабельное» состояніе.

Всюду проложены дороги, имѣются даже мостовыя, посажены аллейки деревьевъ, и глаза разбѣгаются отъ множества мозаичныхъ украшеній, щедрой рукой разбросанныхъ по лагерямъ. Вотъ огромные, въ натуральную величину, двухглавые орлы могуче раскинули по землѣ свои каменныя (изъ гальки) крылья.

Въ каждомъ полку сни будятъ воспоминанія о недавнемъ величіи нашей Родины, утраченномъ и потому кажущемся такимъ далекимъ. Изъ разноцвѣтныхъ морскихъ камешекъ и ракушекъ любовными и талантливыми руками сотканы Георгіевскіе кресты, орденъ св. Николая, Георгій Побѣдоносецъ на конѣ, безчисленные вензеля.

Тутъ же, проходя по тротуарамъ, на землѣ вы прочитаете исторію каждаго полка по датамъ славныхъ сраженій, которыми новые полки Русской Арміи похр абрости и, героизму сравняли себя съ полками, ведшими свое начало отъ временъ Великаго Петра. И, как ъ в ѣнецъ мозаичнаго искусства,—солнечные часы, стрѣлку кото-

рыхъ держитъ въ своей пасти блестящій яркій съ разноцвѣтнойчешуей драконъ. Когда Богъ благословитъ на новые подвиги Русскую Армію, и она уйдетъ отсюда,—будетъ жаль оставлять всѣ эти произведенія—до такой степени они талантливы.

—-—

Съ неба мелкими каплями сѣялъ дождь, словно въ трубу по долинѣ дулъ вѣтеръ, временами крупными горошками падалъ градъ. Маленькая рѣченка, протекающая по долинѣ,—«Буюкъ-Дерэ» казалась непривѣтливой и сиротливой. Становилось холодно. Я пошелъ осматривать палатки-дома.

Съ виду всѣ они похожи одна на другую. Тѣ же сѣрыя или голубоватыя полотнища, маленькія, словно въ лѣсныхъ избушкахъ. окна изъ слюды и торчащія сбоку трубы. А внутри (я осмотрѣлъ десятки палатокъ) изумительное разнообразіе отдѣлки. Общее правило: въ каждой палаткѣ кровати, сплетенныя изъ лозы, съ матрацами изъ пружинящейся мягкой травы, п е ч и, рѣдко сложенныя изъ кирпичей, въ большинствѣ случаевъ сдѣланныя изъ маленькихъ консервныхъ коробокъ, на каждой постели теплое одѣяло. образокъ въ углу, даже занавѣсочки на окнахъ. Спать здѣсь такъ тепло, мягко и уютно, что я въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Симферополя сталъ высыпаться, какъ слѣдуетъ (въ Константинополѣ мы, русскіе журналисты, спимъ на голомъ полу).

Каждая палатка на своемъ внутреннемъ убранствѣ носитъ черты характера ея обитателей. То вы увидите комнаты, стѣны которыхъ сплетены изъ той же лозы, что и кровати, то изъ холста, а есть палатки, похожія на вагоны, съ маленькими, на 3 человѣка. купэ, отдѣленными другъ отъ друга прекрасными, не теряющими своей зеленой свѣжести. вѣтвями лавроваго дерева.

Въ каждомъ полку своя церковь съ иконостасами и ризами изъ простынь, съ паникадилами и подсвѣчниками изъ консервныхъ коробокъ, съ прекрасно налаженными хорами. (Въ хорѣ Корниловскаго полка поетъ наша артистическая гордость Н. В. Плевицкая, предпочитающая жизнь въ лагеряхъ жизни въ Константинополѣ или даже Парижѣ). Откуда взялись регенты, безъ нотъ обучившіе хоры нотному пѣнію, откуда взялись художннки и краска для изображенія иконъ, откуда явилось все мною видѣнное? Вѣдь все это сдѣлано безъ какихъ-либо ассигнованій, «изъ воздуха», какъ говорятъ въ Одессѣ... Характерно, церкви всегда переполнены народомъ—и во время богослуженія, и тогда, когда тамъ читаются лекціи,—до такой степени, что люди стоятъ даже на улицѣ.

Хорошо ли питается Русская Армія. До февраля сытно и вкусно (продуты выдаются на руки, и каждая палатка или даже часть живущихъ въ ней приготовляетъ себѣ пищу индивидуально), а съ февраля арміи почему то уменьшили отпускъ муки, и стало голоднѣй.

Но поистинѣ «не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ». Всѣ бодры, даже веселы, глядятъ «молодцами». Единственно, что угнетаетъ—это неизвѣстность, долго ли придется жить здѣсь. «мы уже отдохнули,—говорятъ воины,—скорѣй бы въ бой». Дни бѣгутъ за днями, ратное ученіе смѣняется работой, армія крѣпко-на-крѣпко спаяна дисциплиной, взаимнымъ уваженіемъ, самодисциплиной каждой своей единицы, а принуждена сидѣть здѣсь.

— До какихъ поръ будетъ продолжаться это?—вотъ основной вопросъ Русской Арміи.—Скорѣй бы, скорѣй.

Облегченно вздохнули всѣ, услышавъ на парадѣ бодрыя, дышавшія непоколебимой вѣрой, слова своего Вождя.

— Продержитесь, орлы, 2-3 мѣсяца,—сказалъ ген. Врангель.—Родина васъ ждетъ и вы ей понадобитесь.

— Ну, слава Богу, ждать теперь уже не долго,—эта увѣренность заставила ярче сверкать глаза воиновъ, веселѣе зазвучалъ смѣхъ.

«Не единымъ хлѣбомъ», духовной пищи. книгъ, и не только по беллетристикѣ, но и, главнымъ образомъ, книгъ по спеціальнымъ отраслямъ знанія жаждутъ всѣ, а книгъ всего на всего нѣсколько десятковъ, много—сотня-двѣ.

Театра жаждутъ, а его нѣтъ.

Живого слова жаждутъ,—слышатъ очень рѣдко. Съ какой сердечной благодарностью провожали „Устную Газету" всюду, какъ трогательно просили скорѣе пріѣхать вновь. По сердцу пришлось всѣмъ то, что мы говорили:

— Перестанемъ дробиться на партіи, группы, объединимся всѣ, не будемъ спорить о будущемъ образѣ правленія въ Россіи,—передъ всѣми нами, русскими, кто бы мы ни были, живущими на чужбинѣ, одна задача: содѣйствовать освобожденію Родины отъ тираніи, а послѣ трудомъ и знаніями помочь нашимъ замученнымъ, находящимся въ Россіи, братьямъ, чтобы возстановить Россію на ту высоту, которой достоинъ великій русскій народъ. Красному интернаціоналу противопоставимъ здоровую національную идею—симъ побѣдиши!

Сильна тоска по родинѣ и скорбь по ней. Когда „Устная Газета" вспоминала о страданіяхъ русскаго народа, объ униженіи Государства Россійскаго—не было случая (а мы сдѣлали не менѣе 30 выступленій), чтобы нѣсколько сильныхъ взрослыхъ людей не плакали бы здѣсь же, на глазахъ всѣхъ, и никто не стыдился своихъ святыхъ слезъ.

Съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности за свои слова говорю:

— Русская Армія спаяна дисциплиной, взаимнымъ уваженіемъ своихъ воиновъ, вѣрою въ своихъ вождей, дѣйственной любовью къ родинѣ, готовностью принести себя ей въ жертву.

Изумительная подробность. За двѣ недѣли пребыванія въ Галлиполи ни одного крѣпкаго браннаго слова я не слыхалъ, но за то видѣлъ, какимъ заботливымъ вниманіемъ окружали воины своихъ больныхъ соратниковъ, какъ трогательно они ухаживали за ними: чужбина и общее горе—потеря Родины—словно переродили людей. Сравниваю настроенія галлипольскихъ армейцевъ и константинопольскихъ бѣженцевъ, продающихъ послѣднія монатки на галатской лѣстницѣ, торгующихъ, ловчащихся... Да это два совершенно различныхъ міра! Въ одномъ—царство голаго факта, гнусныхъ буденъ „чернаго хода Европы—Константинополя,—одиночество и душевная пустота; въ другомъ—порывъ, мечта, жажда знаній и жертвеннаго подвига.

Борисъ Ивинскій.

ВСЕРОССІЙСКІЙ СОЮЗЪ РУССКИХЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ОБЩИНЪ.

Главные дѣятели В. С. Р. Н. О. успѣли выѣхать изъ Россіи.

Въ Константинополѣ, въ первые дни эвакуаціи, былъ образованъ Дѣловой Совѣтъ Союза, который, временно прекративъ свою политическую дѣятельность, занялся вопросами помощи, объединенія и перерегистраціи всѣхъ членовъ національныхъ общинъ, эмигрировавшихъ за границу. Союзъ связался съ общинами, открытыми еще до эвакуаціи на Балканахъ и въ Америкѣ.

Въ Прагѣ намѣчается съѣздъ всѣхъ дѣятелей Союза.

Послѣ съѣзда будетъ открытъ Первый Русскій Національный Конгрессъ. На разсмотрѣніе этого Конгресса будутъ поставлены вопросы:

1) О необходимости создать Бѣлый Интернаціоналъ, основанный на началахъ прогрессивной государственности и христіанской морали, что явилось бы дѣйственнымъ отпоромъ Красному Интернаціоналу.

2) О всемирной Лигѣ Русскихъ Національныхъ Общинъ, имѣющей лозунгъ: «Русскіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!».

3) Объ объединеніи всего славянства въ вопросахъ международной противо-большевистской политики, и

4) О необходимости сохраненія Русской Арміи, какъ оплота противъ міроваго хищническаго коммунизма.

Плоды и завоеванія „Великой и безкровной русской революціи".

(Письмо П. Н. Милюкову).

Сотни тысячъ русскихъ людей, лишившихся родины, родныхъ очаговъ, потерявъ близкихъ людей, семьи, голодные, оборванные, бездомные разбросаны по всему міру.

Благодѣтельные результаты „великой и безкровной русской революціи"!..

Исходъ Новаго Израиля...

Такое имя уже присвоено эмиграціи въ чужіе края двухъ милліоновъ русскаго народа и, несомнѣнно, это имя будетъ утверждено исторіей.

Но несчастье стараго, ветхозавѣтнаго Израиля, несчастье, воспоминаніе о которомъ и понынѣ потрясаетъ не только евреевъ, но потрясало и всѣхъ насъ, когда мы читали эти драматическія страницы исторіи,—вѣдь, ничто, сущій пустякъ въ сравненіи съ грандіозностью и драматичностью нашего русскаго національнаго горя.

И представьте себѣ на одну минуту, что если бы среди этого изгнаннаго, странствующаго Израиля появились бы... свои Милюковы и Керенскіе, начавшіе бы воспѣвать и благословлять т ѣ причины, которыя привели къ столь тяжкому народному несчастью?

Нужно отмѣтить, къ чести египетскихъ бѣглецовъ, что они имѣли только Моисея, призывавшаго покаяться и проклясть ту вину, которая привела ихъ къ національной катастрофѣ, но не имѣли въ своей средѣ... ни издателей «Воли Россіи», ни редактора «Посл. Нов.» г. Милюкова.

Этимъ и объясняется, почему они, въ концовъ концовъ, и обрѣли «Обѣтованную Землю».

Четвертая годовщина февральской революціи, т. е., значитъ, четвертая годовщина русскихъ бѣдъ и несчастій, пышно и радостно была отпразднована П. Милюковымъ въ подвалѣ «Послѣд. Нов.».—въ статьѣ, чрезвычайно характерной для кадетской партіи и ея вождей.

Они сбросили т е п е р ь всѣ маски, весь гримъ, въ которомъ щеголяли при Корниловѣ, Деникинѣ, и съ такимъ же ражемъ, какъ и Керенскіе, въ каждомъ номерѣ кричатъ:

— Ура февральской революціи! Ура ея «завоеваніямъ»!

Отличіе отъ Керенскаго только въ одномъ:

— Керенскій—честнѣе! Керенскій не лжетъ, не заметаетъ своихъ слѣдовъ, онъ открыто поетъ гимны февральско-мартовскому перевороту и гордится своимъ участіемъ въ событіяхъ этихъ роковыхъ дней.

Милюковъ о февральской революціи говоритъ:

— «Чтобы ни произошло,—мы ее пріемлемъ!»

И день 2 марта 1917 года к а н о н и з и р у е т ъ, провозглашая этотъ день... навѣки самымъ великимъ, священнымъ и радостнымъ днемъ въ жизни русскаго народа!!

Но прежде чѣмъ о с м ѣ л и т ь с я сказать э т и с л о в а, змѣей извивается въ газетномъ подвалѣ кадетскій лидеръ, пытаясь доказать, что, хотя февральско-мартовскія событія и столь благодѣтельны для русскаго народа, но онъ, Милюковъ, ей Богу же, ни въ чемъ здѣсь не виноватъ, въ подготовкѣ революціи не участвовалъ, что эта революція пришла сама собой,—стихійно—дескать.

Даже больше этого: хотя онъ, Милюковъ, теперь и служитъ литургію мартовскому перевороту, но тогда, принимая во вниманіе, что революція во время войны приведетъ къ пораженію (видите ли, какой я умный и дальновидный), вождь кадетской партіи, наоборотъ, изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы этихъ радостныхъ событій не произошло, чтобы переворота не было, но... «стихія» оказалась сильнѣе его, Милюкова!

Бросьте, Пав. Ник., эти крапленыя карты! Этотъ, столь привычный для

васъ, способъ шулерской политической игры теперь никого не обманетъ!

Провозглашая «ура» февральско-мартовскому перевороту, канонизируя этотъ день и одновременно трусливо отказываясь отъ лавровъ создателей и антрепренеровъ этихъ столь радостныхъ для васъ событій, вы не достигнете своей цѣли: лавры останутся на васъ и на вашей партіи навѣки!

Послѣ четырехлѣтнихъ безпримѣрныхъ въ исторіи ужасовъ и страданій мы уже не младенцы и теперь вы намъ «не вотрете очковъ», а, въ особенности, такъ грубо и неумно!

Значитъ, Пав. Ник., бунтъ петербургскихъ солдатъ и рабочихъ возникъ... «стихійно»,—никто не подбивалъ ихъ къ этому выступленію агитаціей и пропагандой? Вашъ «прогрессивный блокъ», значитъ, всячески старался успокоить возбужденныя затянувшейся тяжелой войной страсти?! И хотя вы изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы не допустить революціи во время войны, понимая, что это приведетъ къ пораженію русской арміи, къ позорной сдачѣ судебъ отечества врагу,—несмотря на всѣ ваши усилія, петербургскій бунтъ ни предотвратить, ни погасить было не въ вашей волѣ? Вы не въ силахъ были противостоять... «стихіи»?

Разрѣшите, въ такомъ случаѣ, напомнить вамъ одно изъ первыхъ историческихъ засѣданій Гос. Думы послѣ переворота.

Въ этомъ засѣданіи ваши болѣе лѣвые товарищи старались «соціализировать» въ свою пользу всѣ лавры, всю славу за организацію и успѣхъ революціонной побѣды. Они говорили, что всѣ эти блага, весь этотъ рай для Россіи завоеванъ только ими. Тогда отъ имени кадетской партіи выступилъ г. Маклаковъ и нанесъ по-истинѣ сокрушительный ударъ:

— „Неужели же вы не понимаете, —гнѣвно гремѣлъ кадетскій Демосфенъ, —что если бы мы, члены Гос. Думы, не поддержали бы, не санкціонировали своимъ авторитетомъ этотъ петербургскій бунтъ, то онъ никогда не превратился бы въ революцію, что онъ не дожилъ бы и до вечера?!“

Такъ кого же вы хотите надуть, обморочить?!

Я понимаю, что въ Парижѣ вамъ особенно неудобно надѣть на себя эти лавры: революція, принесшая съ собой развалъ русской арміи, братаніе съ непріятелемъ и, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ,—захватъ власти большевиками, измѣну союзникамъ, затянула, по меньшей мѣрѣ, на полгода міровое кровопролитіе и стоила жизни... не одной сотнѣ тысячъ французскихъ солдатъ. Я васъ понимаю:— конечно, вамъ неудобно въ Парижѣ горделиво надѣть на себя этотъ лавровый вѣнокъ и сказать:

— Слава переворота принадлежитъ намъ. Если бы мы не приложили своего штемпеля къ бунту петербургскихъ рабочихъ и солдатъ, бунтъ не дожилъ бы и до вечера, а, слѣдовательно, русскій фронтъ продолжалъ бы существовать, весною міровая война сообща была бы закончена.

Далѣе: не писали ли виднѣйшіе кадетскіе дѣятели и не говорили ли они съ горделивымъ видомъ въ первые дни революціи:

— «Когда была объявлена война, мы сказали: часъ революціи пробилъ! И съ перваго же дня войны мы начали работать для организаціи переворота!»

Не помните ли вы, досточтимый Пав. Ник., этихъ признаній?

Или, можетъ быть, вамъ желательно, чтобы я сказалъ точно, гдѣ и когда это было напечатано? Я къ вашимъ услугамъ.

Такимъ образомъ, на основаніи вашихъ же словъ, дѣятельность кадетской партіи представляется въ такомъ видѣ:

Въ первые дни войны, когда вся страна была охвачена патріотическимъ энтузіазмомъ, когда передъ Зимнимъ Дворцомъ стоялъ на колѣняхъ съ портретомъ Императора весь Петербургъ и въ томъ числѣ и петербургскіе рабочіе, вы въ первомъ «военномъ» засѣданіи Гос. Думы также пѣли... „Боже, Царя Храни“, и при томъ... громче даже В. М. Пуришкевича!!

Керенскіе и большевики,—нужно быть справедливымъ,—были честнѣе васъ: они при пѣніи гимна Гос.

Думой никого не надували и открыто, честно удалились!

Это было днемъ, а вечеромъ того же дня, согласно вашему же горделивому признанію, вы послѣ пѣнія „Боже, Царя Храни" и поцѣлуевъ въ засосъ съ В. М. Пуришкевичемъ отправились... на засѣданіе, въ которомъ обсуждали:

— Часъ пробилъ! Начнемъ же работу, чтобы свергнуть того, въ честь кого мы такъ громко, такъ демонстративно громко пѣли сегодня гимнъ!

Точно такая же игра была продѣлана вами и съ Добровольческой арміей.

Когда возникло корниловско-алексѣевское движеніе, вы совершенно правильно рѣшили, что выгодно захватить это движеніе въ свои руки.

Вы этой цѣли блистательно достигли, и не напрасно населеніе говорило про Добровольческую Армію:

— Идутъ кадеты!

Вы стали вдругъ корниловцами, вамъ вдругъ стало дорого... трехцвѣтное національное знамя, осѣнявшее армію Корнилова и Алексѣева, и вы, Пав. Никол., такъ гнѣвно и презрительно называли красное знамя большевиковъ:

— Красная тряпка!

Васъ нисколько не смущало при этомъ: вѣдь національное знамя съ Таврическаго Дворца (какъ и во всей Россіи) было сорвано не большевиками и «красная тряпка» замѣнила это знамя не при большевикахъ, а при... временномъ правительствѣ, министромъ котораго состоялъ П. Н. Милюковъ!

Точно также, какъ вы пѣли «Боже, Царя Храни» и ѣхали послѣ этого на совѣщаніе для обсужденія, какъ бы свергнуть этого самаго Царя, также вы пѣли гимны дѣлу добровольческой арміи и ея вождямъ.

И только теперь, Пав. Ник., вы, наконецъ, сбросили маску и откровенно выяснили, съ какой цѣлью вы гримировались подъ алексѣевца и корниловца, съ какой цѣлью вы цѣликомъ захватили власть при благородномъ, но простодушномъ и довѣрчивомъ ген. Деникинѣ!

— Генеральскія контръ-революціи не удались! Завоеваніямъ февральской революціи теперь не угрожаетъ ничто! Ура!

Только теперь мы узнаемъ, въ какой тревогѣ были вожди и управители кадетской партіи, когда боевое счастье улыбнулось святому дѣлу Корнилова и Алексѣева, какъ мучился и страдалъ въ это время бѣдный Пав. Ник.!

А вѣдь опасность для революціи была такъ велика,—помилуйте, вѣдь:

— «Уже водили до Орла вожди *хмѣльные**) батальоны и снились дивныя дѣла и возстановленные троны!»

Такъ вотъ, въ какомъ ужасѣ былъ П. Н. Милюковъ, когда армія Корнилова... освобождала отъ голода, холода, небывалаго въ мірѣ рабства несчастный истребляемый русскій народъ!

Трагедія П. Н. Милюкова увеличивалась еще тѣмъ, что при этомъ нужно было ген. Деникина лобызать и съ радостнымъ лицомъ поздравлять:

— Со взятіемъ Орла!

Чего только не вынесъ за это время бѣдный Пав. Ник. И изъ сочувствія къ этому страданію я возд̂ержусь отъ нескромнаго вопроса:

— Какія мѣры были приняты Пав. Ник. Милюковымъ, Винаверомъ и другими вождями, чтобы устранить столь грозную опасность «завоеваніямъ революціи», чтобы отодвинуть «генеральскую контръ-революцію» отъ Орла... къ Новороссійску и какія директивы были даны для этого кадетскому правительству г. Астрова, а также кое-кому изъ штаба ген. Деникина?

Изъ той же деликатности не стану задавать и другого нескромнаго вопроса:

— Вспоминаетъ ли хоть иногда П. Н. Милюковъ и другіе вожди кадетской партіи при обсужденіи «тактики» своей партіи:

— Темную ночь въ Гефсиманскомъ Саду, чей-то вкрадчивый голосъ и чье-то такое же вкрадчиво-ласковое лобзаніе?

*) Курсивъ мой. Изъ стихотворенія въ „Посл. Нов." подъ редакціей П. Н. Милюкова.

Вячеславъ Бѣлый.

ВРАГИ АРМІИ.

Они не страшны.

Надоѣдливы, однако, ужасно.

Начиная отъ достопочтеннаго Минора, бырзжущаго слюной изъ Праги, отъ Л. Василевскаго, лепечущаго въ Парижѣ о «естественномъ полѣвѣніи» и «неестественномъ поправѣніи» и кончая константинопольской газетой «Presse du Soire», всѣ они ужъ потому не страшны намъ, лишеннымъ независимой прессы, что ихъ черная компанія бездарна и лжива.

Можно, однако, пожалѣть, что въ Константинополѣ, въ центрѣ скопленія русской эмиграціи, издается единственная русская газета, которую приходится читать волей-неволей ради ежедневной информаціи.

«Presse du Soire» не только не отражаетъ интересовъ русской эмиграціи, не только не защищаетъ идеи сохраненія Руеской Арміи, но старается всячески подкузьмить выброшенныхъ на произволъ судьбы борцовъ за Родину.

Къ сожалѣнію, наши воины совершенно не освѣдомлены о самомъ близкомъ для нихъ «фронтѣ», смѣнившемъ недавній крымскій фронтъ.

Вотъ онъ, константинопольскій фронтъ:

1) Г. Римскій, застрѣльщикъ „Presse du Soire", весьма недавно былъ откровеннымъ товарищемъ коммунистомъ.

Въ Екатеринославѣ, въ 1919 году, г. Римскій былъ выпускающимъ большевистской казенной газеты „Красное Знамя" и фактическимъ помощникомъ редактора.

Нѣсколько позже, онъ, какъ партійный коммунистъ, служилъ въ Московскомъ «Наркомпросѣ» (Народный Комиссаріатъ Просвѣщенія)*) и участвовалъ на одномъ изъ съѣздовъ совѣтскихъ работниковъ въ Харьковѣ, гдѣ обрушился на меньшевиковъ и эсеровъ, упрекая ихъ... въ имперіализмѣ.

2) Директоръ, самъ директоръ P. d. S., г. Зелюкъ, былъ душой не менѣе типичной газеты,—онъ игралъ первую скрипку въ одесскомъ «Голосѣ Красноармейца», издававшемся извѣстнымъ чекистомъ Ревисомъ (Григорьевымъ).

3) Третій руководитель «P. d. S.», г. Варшавскій, тоже не безъ любопытнаго прошлаго,—онъ основатель «института правозаступниковъ» въ Москвѣ, созданнаго по большевистскому плану.

Было бы наивнымъ думать, что газета при трехъ такихъ руководителяхъ могла бы долго оставаться безъ большевистскаго вліянія и безъ ненависти къ Арміи!

Эта милая компанія «русскихъ» журналистовъ прекрасно уживается съ бывшими сотрудниками антисемистскаго «Вечерняго Времени» и... даже умудряется получать заказы отъ Штаба Арміи и В. Л. Бурцева.

Можно уважать идейныхъ коммунистовъ и откровенныхъ большевиковъ, но ренегатовъ, полурегенатовъ и двуликихъ янусовъ,—ихъ остается только презирать!

Когда пишешь о редакціи «P. d. S», то невольно вспоминается:

— Недаромъ, она недаромъ—
Съ отставнымъ гусаромъ!

Поговариваютъ: въ роли «отставного гусара» сейчасъ выступаетъ совѣтскій торговый агентъ г. Кудишъ.

Для «Presse du Soire» такой бракъ не будетъ мезальянсомъ!

Ив. Корвацкій

*) Теперь г. Римскій „просвѣщаетъ" простодушныхъ русскихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ большевиковъ!

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

А. А. Суворинъ въ своемъ бѣлградскомъ журналѣ «Русь» разоблачаетъ предательство въ отношеніи Русской Арміи нашихъ эксъ-пословъ и нашей псевдо-общественности.

„Генералу Врангелю въ январѣ вдругъ былъ объявленъ „бойкотъ" тремя послами: парижскимъ—Маклаковымъ, римскимъ—Гирсомъ и американскимъ—Бахметевымъ. Они отказались передать ген. Врангелю суммы б. русскаго правительства, у нихъ бывшія, и потребовали отъ него подчиненія указаніямъ „учредиловцевъ", собравшихся въ Парижѣ изъ провалившихся вожаковъ всякихъ провалившихся партій: кадетовъ, соц.-революціонеровъ и др. На сторону пословъ сталъ и проф. Бернацкій, посланный ген. Врангелемъ въ Парижъ

именно, чтобы выяснить вопросъ о деньгахъ бывшаго русскаго правительства. Деньги эти до сихъ поръ лежатъ по разнымъ рукамъ и... таютъ—никто не даетъ въ нихъ никому отчета! Часть государственной казны была вывезена кн. Львовымъ при его бѣгствѣ изъ Россіи. Кое-что успѣли вывезти члены уфимскаго правительства—г. Авксентьевъ и его типа неунывающіе россіяне—и живутъ на нихъ, какъ на свои собственныя. Кое-что спасъ Н. В. Чайковскій (Архангельскъ) и странно, что такой честный человѣкъ до сихъ поръ не даетъ о нихъ никакого отчета—а пора! Значительныя суммы оказались у русскаго посла въ Америкѣ г. Бахметева: къ нему попали деньги по наслѣдству отъ правительства Колчака и—говорятъ: до 400 милл. долларовъ—по ликвидаціи военныхъ заказовъ б. русскаго правительства въ Америкѣ. По заказамъ этимъ былъ данъ милліардный авансъ. Послѣ большевистскаго переворота американскія фирмы предложили Бахметеву соглашеніе—снаряженіе онѣ оставятъ у себя, а изъ аванса возвратятъ часть. Бахметевъ согласился и получилъ деньги.

Благодаря «бойкоту», армія ген. Врангеля оказалась сразу безъ средствъ существованія на чужой территоріи. Удобнымъ случаемъ къ вымогательству воспользовался «Цокъ»—«Центральный Объединенный Комитетъ», составленный въ Константинополѣ изъ представителей Вс. Зем. Союза, Союза Городовъ и Вс. Об. Краснаго Креста.

Онъ вмѣшался со своимъ посредничествомъ и требованіями. Со стороны его было пущено въ ходъ самое безпардонное вымогательство. Армія оставлялась безъ куска хлѣба. Положеніе правительства ген. Врангеля было еще ухудшено тѣмъ, что отъ общей массы бѣженства оно на практикѣ до сихъ поръ совершенно отдѣлено тѣми же Зем. и Гор. Союзами и Кр. Крестомъ, захватившими въ свои руки всѣ практическія предпріятія бѣженцевъ, которыя тѣ должны были бы вести сами, а не черезъ чиновниковъ этихъ организацій, давно переставшихъ быть общественными.

Изъ переговоровъ правительства ген. Врангеля съ этими посредниками выясняется ярко, какую безсовѣстную семибоярщину выкормили и выкармливаютъ бѣженцы на своей шеѣ въ видѣ этихъ новыхъ «союзниковъ».

«Положеніе о Русскомъ Совѣтѣ» свидѣтельствуетъ лишь о безвыходности, въ которой очутилась армія, когда ея средства были вдругъ захвачены предателями. Настоянія ген. Врангеля, чтобы большинство членовъ Русскаго Совѣта было изъ представителей бѣженства, побѣдоносно было отклонено".

„Новому Времени"— старый сотрудникъ.

Съ точки зрѣнія мелкихъ личныхъ чувствъ я бы долженъ обиженно промолчать при видѣ возрожденнаго теперь въ Бѣлградѣ „Новаго Времени", въ которомъ я писалъ семь лѣтъ—съ 1910 по 1917 годъ, и изъ котораго я ушелъ, принесенный въ жертву Петроградскому Совдепу, когда тотъ поставилъ условіемъ продолженія изданія газеты—удаленіе всего „праваго крыла" нашего „нововременскаго парламента".

Но и покинувъ „Новое Время", я остался упорнымъ нововременцемъ и безраздѣльно отдалъ себя служенію русской государственности и русской національности.

Вспоминается тернистый путь: Харьковъ, Курскъ, Бѣлгородъ, Севастополь—и всегда у печатнаго станка, на стражѣ русскаго дѣла.

Да,—мы всѣ были на своихъ постахъ, но... „одинъ въ полѣ не воинъ".

Вотъ почему мнѣ такъ радостно видѣть возрожденное „Новое Время"—пусть обѣднѣвшее и малое, но съ той же великой идеей строительства и возвышенія Россіи и съ тѣми же испытанными борцами за наше русское достоинство.

Защищайте, укрѣпляйте русское дѣло, славные сотоварищи,—чутко прислушаются къ вашимъ словамъ русскіе люди, потому что вы всегда честно и стойко служили Родинѣ.

Привѣтъ тебѣ, моя литературная мать.

А. Бурнакинъ.

КТО ВЫ?

Кто вы, гордые и недоступные, здѣсь, на чужбинѣ, повелѣвающіе нашими судьбами, карающіе и милующіе, возсѣдающіе и самоуправничающіе?

Кто вы, банкетирующіе и меценирующіе на наши скорбные піастры, раздающіе направо и налѣво благо жирныхъ субсидій, дѣлающіе такъ много добра для собственнаго благополучія, ведущіе столь благородную и безобидную политику соглашенія со всѣми, кто, закрывши глаза, спокойно взираетъ на ваши приходы и расходы.

Кто вы, наши благодѣтели?

Вы говоритѣ: васъ назначилъ Колчакъ,—но знаете:

Еще Гоголь сказалъ:

„Что Сибирь?—далеко Сибирь“.

„Далеко Сибирь“, а Константинополь и Парижъ еще дальше.

И почему вы, именно вы на нашей шеѣ?

— Гдѣ ваши полномочія? Гдѣ право говорить отъ лица русской общественности и русской эмиграціи?

Или у васъ „больше правъ“ только потому, что вы дезертировали заблаговременно, а мы бѣжали въ послѣдюю минуту?

Или вы сошлетесь на «мандаты при царѣ Горохѣ»?

Впрочемъ, какая критика, разъ вы, общественность?

Какой контроль, разъ есть непогрѣшимый Папа—Цоки и Поки?

Все-таки, кто вы, г.г. Свистуновы, Сапуновы, Отпискины, Вареньевы?

Поговариваютъ: среди васъ есть подлинные самозванцы, примазавшіеся ловчилы.

Или—рука руку моетъ, и надо плотнѣй закрывать двери отъ шумящей бури?

Не бойтесь—вамъ никто и ничто не помѣшаетъ.

Смиренно стоятъ очереди, гибнутъ подъ заборами подлинные общественные дѣятели.

Что за чума безъ Dançe Macabr'a?

— Не потому ли и клубы и музыка и всякое удовольствіе?

М. Богдановъ.

СВОБОДА РАВЕНСТВО И БРАТСТВО.

«Свобода, равенство и братство»—
Какой фальшивый, пошлый вздоръ!
Готовъ я эти всѣ богатства
Швырнуть безжалостно въ Босфоръ...
Нѣтъ, не хочу твоей культуры,
Европа—дряхлая бездарь,
Не для моей она натуры,
Я, слава Богу, не дикарь,
Я, слава Богу, сынъ Россіи,
Гдѣ старый нашъ городовой
Имѣлъ манеры не такія,
Какъ скультуренный ковбой.
Гдѣ былъ порядокъ и—безъ стэка,
Гдѣ царь—и тотъ былъ простота,
Гдѣ въ каждомъ чли мы человѣка,
Гдѣ былъ извозчикъ безъ кнута.
Я—сынъ Руси гостепріимный,
Ты, чужестранецъ, съ ней знакомъ,
Ты знаешь—въ русской хатѣ дымной
Послѣднимъ дѣлятся кускомъ.
А ты?.. Въ дни нашихъ испытаній
Одно мы слышимъ: Votre passeport?
И нѣтъ пріюта средь скитаній
И всюду-всюду вражій взоръ.
Сынъ электрическаго тока,
Создавшій пушку... и Red Cros
Что для недвижнаго Востока
Ты, просвѣщающій, принесъ?
«Свобода, равенство и братство!»
Когда бы зналъ Жанъ-Жакъ Руссо,
Какъ размотало всѣ богатства
Прогресса злого колесо!
Мы видимъ здѣсь развратъ и пьянство,
Кошмары темной Галаты,
Гніющій сифилисъ и чванство
И кровожадныя мечты...

Свобода, равенство и братство,—
Вполнѣ постигнулъ я ихъ вкусъ...
Назадъ бери свои богатства,
Цивилизованный зулусъ!

Не-дикарь.

НАШИ БЛАГОДѢТЕЛИ.

„РУССКІЙ МАЯКЪ“.

Кому онъ свѣтитъ?—русскимъ бѣженцамъ?

Пожалуй, они толкутся въ передней, но на верху, гдѣ по вечерамъ семейные вечера съ безпечнымъ и нескладнымъ любительствомъ Царевококшайска, съ сытыми буржуйчиками-слушателями изъ приспособившихся,—тамъ бѣженствомъ и не пахнетъ.

Бѣженцу — въ лучшемъ случаѣ «остатки отъ обѣда», щедро сдобренные презрительными колкостями господина Директора, гуманность котораго —въ способности при всѣхъ обстоятельствахъ отдавливать русскіе мозоли.

Бѣдные американцы—хотѣли сдѣлать намъ добро, но попалъ мистическій треугольникъ въ лапы россійскаго проходимца, и выходитъ «Америка» косымъ бокомъ тупости, невѣжества и ловкачества.

Московскій репортеръ въ роли профессора бѣлой и черной магіи и чуть не доктора оккультныхъ наукъ, вся «магія котораго»—въ замогильномъ голосѣ и пасторскомъ сюртукѣ, нѣсколько осипшихъ пѣвчихъ изъ церковнаго хора, два поэта, декламирующіе уворованныя другъ у друга вирши, приблудный косноязычный негръ съ «Яблочкомъ» и чечеткой изъ галатскаго бара, и все это подъ руководствомъ... «четвертой категоріи».

Это—для сытыхъ, а для голодающихъ, тамъ, внизу, саркастическое меню—плодъ вдохновеннаго юмора облагодѣтельствованныхъ американцами.

1. Паштетъ изъ поцѣлуевъ. 2. Супъ «Надежда». 3. Жаркое изъ стрекозьихъ крылышекъ. 4. Безе изъ амуровъ.

Есть и еще заманчивые огоньки въ «Маякѣ».—Скаутизмъ. Лекціи. Мораль добра и милосердія.

Послѣ обѣда въ 60 піастровъ—все это довольно уваримо, но если у васъ чуточку потоньше кожа—со всѣхъ сторонъ васъ обжигаетъ холодное и бездушное лицемѣріе:

— Благодарю тебя, Господи, что я не такой, какъ эти русскіе бѣженцы!

„БЮРО БЕЗДѢЛЬЯ“.

Есть и такое почтенное учрежденіе —исключительно созданное для двухъ заслуженныхъ земгусаровъ--Лѣнивкина и Зѣвачкина.

Офиціальное названіе: «Бюро Труда»—вѣроятно, отъ той трудности, съ какой здѣсь можно получить трудъ.

Забредетъ вь Бюро заблудившійся въ лабиринтахъ Цока бѣженецъ,—лѣниво взглянетъ Лѣнивкинъ, сонно зѣвнетъ пухлый Зѣвачкинъ—и, глядь, проходитъ трудовой день.

Не думайте, что Аяксы безъ «высшихъ соображеній»—у нихъ и картограммы и діаграммы, а если и сидитъ на мели голодный бѣженецъ—спѣшить некуда—Лѣнивкинъ съ Зѣвачкинымъ намѣрены детально разработать проектъ «организаціи труда». Проектецъ недалеко—вотъ тутъ подъ сукномъ, да вотъ тутъ, въ головѣ—пріѣдетъ полумилліонная смѣта изъ Парижа, начнемъ анкеты, регистрацію, снимемъ квартиру на Пера, заведемъ кабинеты, барышенъ съ машинками посадимъ.

— Но, говорятъ, совсѣмъ не ладно съ нашимъ русскимъ трудомъ? Мы—бѣлые рабы.

— Можетъ быть,—невозмутимо разомъ отвѣтятъ Аяксы,—у насъ еще никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

Или: заглянетъ въ бюро пронырливый журналистъ.

— Нельзя ли получить данныя объ организаціи труда?

— Секретъ,—сумрачно цѣдитъ Лѣнивкинъ и неподвижнымъ сфинксомъ смотритъ Зѣвачкинъ.

Секретъ—ихъ работа, секретъ—ихъ старанія, не секретъ только ихъ жалованье и ихъ вопіющее бездѣлье.

А еще говорятъ—плохо русскимъ въ Константинополѣ.

Эксъ-Масонъ.

Создавайте Русскія Національныя Общины.

АРАБЕСКИ.

БАТКИНЪ НА ОТДЫХѢ.

„Сухопутный матросъ", какъ его окрестили въ арміи, нынѣ варится въ собственномъ соку. Лавры Савинкова, „признающаго Украину" и „непризнающаго Ирландіи", не даютъ Ѳеодору Баткину покою.

— Написалъ Врангелю письмо,— пресерьезно говоритъ онъ,—уходите, Петръ Николаевичъ! Жду день, жду два—не уходитъ! Тогда я пишу ему: оставайтесь, Петръ Николаевичъ, Богъ съ вами! Жду. Проходитъ недѣля. А онъ молчитъ! Ну, думаю, ты мнѣ заговоришь: бацъ телеграмму въ Парижъ:— «Не признаю учредиловки! Я, Ѳедоръ Баткинъ, на вашей платформѣ не стою!» Одновременно пишу третье письмо Врангелю:—предлагаю ему услуги въ качествѣ морского и сухопутнаго адъютанта. Такъ понимаете, онъ себѣ молчитъ! Получу отвѣтъ отъ учредиловцевъ—лично пойду къ генералу, и если онъ встрѣтитъ меня своимъ непонятнымъ молчаніемъ—этимъ онъ себѣ обѣими руками политическую смерть подпишетъ.

— Работаете, значитъ, Ѳедоръ Исааковичъ?

— Ну, знаете, развѣ это работа? Обезлюдили мы! А послѣ еще удивляются, что палъ Кронштадтъ, началась революція въ Англіи и Гардингъ грозитъ не признать Лигу Націй. Обезлюдѣли мы!

Такъ говоритъ отдыхающій на лаврахъ былой славы Ѳедя Баткинъ.

Эсэръ, корниловецъ, осважникъ,
Ораторъ, журналистъ, матросъ,
Въ походахъ доблестный фуражникъ—
Куда теперь ты сунешь носъ?

И вотъ—сунулъ. Оказался еще и студентомъ. Выступилъ недавно въ почтенной роли раскалывателя «Союза Русскихъ Студентовъ въ Константинополѣ».

Ловокъ Ѳедя: пожилой «присяжный повѣренный» среди эсеровъ, вдругъ оказывается молодымъ первокурсникомъ среди студентовъ, а попадется онъ рабочимъ, Ѳедя жаритъ смѣло:

— Товарищи! Ей, ей, я—безграмотный матросъ!

Страфантъ.

ДАЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ѢСТЬ СВОЙ ХЛѢБЪ!

Наша константинопольская эмиграція попала въ заколдованный кругъ.

Съ одной стороны—отказываютъ въ пайкѣ и визѣ съ другой—не даютъ возможности честно заработать свой кусокъ хлѣба.

Но разъ мы въ тягость, разъ мы не по средствамъ, не проще ли было бы помочь намъ жить своимъ трудомъ, тѣмъ больше, что мы сами къ этому изъ всѣхъ силъ стремимся. Никому не охота ѣсть чужой хлѣбъ, а намъ, русскимъ, въ особенности, а мы, русскіе, меньше всего къ этому привыкли.

Что это такъ—объ этомъ говоритъ нарожденіе многочисленныхъ профессіональныхъ организацій, стремящихся предоставить трудъ своимъ сочленамъ.

Организовался, напримѣръ, большой союзъ бѣженцевъ-продавцовъ.

До перваго марта члены этого союза торговали безпошлинно и свободно, но уже въ концѣ февраля въ газетахъ появилось объявленіе Городской Префектуры, что съ 1 марта всякая безпатентная торговля прекращается.

Разъясненіе Россійскаго Консула, что, по неотмѣненному договору, мы не обязаны платить «тамету», однако, не подѣйствовало, а въ половинѣ марта уже начались преслѣдованія уличныхъ торговцевъ-русскихъ.

Всѣ обращенія правленія союза русскихъ продавцовъ къ власть имущимъ остались не только безъ удовлетворенія, но и безъ отвѣта.

Въ результатѣ союзъ—наканунѣ своей ликвидаціи, а нѣсколько сотъ русскихъ людей передъ перспективой голодной смерти.

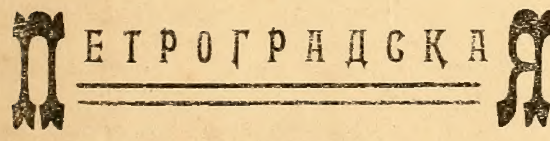
Уличный продавецъ.

Цѣна 15 левъ, въ Кон—полѣ 25 піастр.

20% отъ изданія — Союзу Русскихъ Инвалидовъ за-границей.

Типографія „ЗАДРУГА". СОФІЯ.

ПЕТРОГРАДСКАЯ